

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

«Макбет» В. Шекспира. «Трехгрошовая опера» Б. Брехта, «Последние» М. Горького, «Дом Бернарды Альбы» Г. Лорки, «Сладкоголосая птица юности» Т. Уильямса, «Восхождение на Фудзияму» Ч. Айтматова и К. Мухомеджанова, «Энергичные люди» В. Шукшина — такой афише может позавидовать любой театр. Вместе с тем такая драматургия выдвигает сложные проблемы перед коллективным театром. Не только в смысле интерпретации. Она касается и привычной техники актерской работы. Тем интереснее смотреть спектакли Государственного русского драматического театра Белорусской ССР имени М. Горького, многие из которых вызывают полемику. В центре скрепящего плача, видимо, по праву постановка «Макбета» В. Шекспира.

Не будем гадать, чем вызвана творческая фантазия художника театра Ю. Тура, который вышел на суд зрителей столь непривычными декорациями «Макбета».

«..В глубине сцены многоэтажный фасад величественного некогда дворца, зияющий темными глазами окон. В ходе спектакля в них, словно приобретает зримый образ, появляются человеческие страсти, смеющиеся, страдающие, удивленные, искривленные презрением, сарказмом человеческие лица, превратившиеся в маски; эфемерически, словно предчувствие чего-то плохого, будут мелькать фосфорические руки — сценическая метафора. А пока в зрительный зал лемного печально, немного прощадчески со стены фасада смотрит барельеф Шекспира. По бокам сцены — закрытого «двора» мы видим стены, разрушенные в течение веков. Ветер, дождь и время еще не полностью уничтожили fresки. Кое-где пробивается овал лица, напоминающий холсты мастеров Ренессанса, кое-где просматривается фрагмент материя с младенцем Никакого столь обычного на театральные сцены роскошного дворца. Все как бы забытым, провиснуло темно-коричневые и зеленоватые тона. Всю эту унылую гармонию разрушает прыжками сверху толстая веревка (позже по ней, словно по лестнице, будут подниматься и опускаться герои трагедии Шекспира). «Герои Шекспира! Да разве они таковы!» — слово слышу вопрос почтителя великого автора трагедии, изумленного необычной интерпретацией пьесы. А у меня сложилось впечатление, что в данном случае театр не ставил целью показать «Макбета» таким, на какой мы рассчитывали. (Где это видно, чтобы король так нереспектабельно сидел на троне. Да, кстати, и леди Макбет все же не родовитая дама). Смелые и многочисленные купюры «Макбета» при подготовке сценического варианта траге-

дии свидетельствуют о том, что создатели спектакля решились на дерзкий эксперимент.

Режиссер спектакля — заслуженный деятель искусств БССР Б. Луценко словно отказывается от рассказа об истории одного героя — Макбета, от тщательного анализа мира, среды, его окружающей, а все внимание концентрирует на негативной стороне природы человека. Кстати, и в программке спектакля в числе других высказываний приведены слова Т. Манна, что «Макбет» — не только политическая трагедия. Это трагедия падения человека, трагедия его обесчеловечивания, трагедия последствий совершенных им злодеяний и насилий.

Эти слова, думается, и есть ключ к пониманию сценического решения спектакля. В минском «Макбете» нет атмосферы королевского дворца, раи и костью действующих лиц не определяют их манер. Спектакль гостей, казалось бы, ведет зрителя в какое-то «перелобитное» общество с сильными, стихийными по натуре людьми, которые ведут себя в соответствии с инстинктами, данными им от природы: как открыто по-мальчишески радуется и любит Макбет (народный артист БССР Р. Янковский) своей победой на войне, своей физической силой. С королем своей страны все же дут себя просто и даже феминистично. И здороваются беззастенчиво возгласом «ха». Леди Макбет (народная артистка СССР А. Климова), мы видим лежащей на взломанной повозке, накрывтой шкурой. Большое значение в спектакле придается воде. Два бронзовых сосуда, наполненных водой, стоят на авансцене. В воде Макбет пытается увидеть будущее, предвещающее ему вешними, водой он и леди Макбет смывают с рук кровь короля. Зловещими красными брызгами летит вода во все стороны. Что это? Отсутствие чувства меры? Но вспомним слова великого советского мастера сцены Н. Охлопкова: «Мера? Это принадлежность аптекарей. А если о театре, то формы этой области художественного творчества безграничны, как безгранично и содержание искусства. Не надо путать понятия меры и целесообразности».

Обобщая мысли, вызванные спектаклем минчан, надо сказать, что это трудный и очень нудный шаг на пути поисков художественной выразительности на сцене, требующий от актеров экспрессивной манеры игры, большой внутренней активности и глубины.

Что же остается в сердце, когда смолкают аллодисменты, когда с благодарностью провозгласишь актеров со сцены. Макбет погиб. Погиб не от меча Макдуфа (заслуженный артист БССР Ю. Ступаков), а от собственных злодеяний. В глубине сцены появляется

Малькольм (актер В. Шукешевич), сын Дункана. Дружеской рукой Макдуф вручает ему корону. Но один взгляд нового короля — и дружеская рука отброшена. Вперед выходит новый тиран! Толпа сопровождает его пригласившими от ужаса возгласом: «За здравствуй король!». Душа наполняется снышью. Созданное спектаклем такое внутреннее состояние я есть тот гражданско-этический заряд, заставляющий зрителя размышлять не только о судьбе отдельного индивида, но и об общественной структуре той эпохи, как почве, благоприятной для процветания насилия и самоупраства.

Захватывало в Вильнюсе гастроль театра. Отдельные спектакли создали общее представление об активном, творческом, жизнеспособном коллективе, который чувствует пульс сегодняшнего дня, который не удовлетворяется передачей сюжета пьесы, а словно изнутри смотрит на своего современника, на его духовный мир («Муж и жена снимут комнату» М. Рошина), смело и ярко говорят о негативной стороне нашей жизни (бытовой гротеск «Энергичные люди» В. Шукшина). Радует, что наряду с опытными мастерами сцены раскрывает свое дарование и молодежь театра. Доказательство тому — яркие, пластические образы, созданные актером В. Бондаренко в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта, «Сладкоголосой птице юности» Т. Уильямса, актером В. Шукешевичем в «Восхождении на Фудзияму» Ч. Айтматова и К. Мухомеджанова, актером Е. Леонтьевым и другими.

Г. УРБОНАЙТЕ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Трехгрошовая опера» Б. Брехта. Люси — З. Асмолова, Мекки-нож — В. Бондаренко. Фото Б. Ангеловича.